

ФРАНЧУК В. Ю.

О ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Дипломатический язык как разновидность языка древнерусской деловой письменности изучен недостаточно¹. Объясняется это тем, что подлинные документы этого жанра от древнейшего периода не сохранились, а в летописных описаниях соответствующих явлений филологи, преимущественно литературоведы, склонны видеть литературную обработку устной традиции. Принято считать, что в XI—XII вв. и даже позже восточные славяне вели дипломатические переговоры лишь устно, через словесные передачи послов [6—9]. Такое понимание легло в основу не только упомянутых трудов Ф. П. Сергеева, но нашло признание и у других исследователей древнерусского языка [10, 11]. Лишь в статье Г. А. Селиванова [12] ставился вопрос о возможности письменной передачи чужих высказываний в XI—XII вв., однако разработан автором он не был.

В связи с этим княжеские послания и другие материалы дипломатического характера, включенные в древнерусские летописи, как лингвистический источник не рассматриваются. Исключение составляют лишь договоры Руси с греками X в. Отсутствие оригиналов не помешало длительному и тщательному изучению их языка по текстам, сохранившимся в составе летописных списков более позднего времени.

С другой стороны, некоторые советские историки свободно обращаются с указанными материалами, принимая их без всяких оговорок за письменные документы, например, В. Л. Комарович [13], В. Т. Пашуто [14], с чем, конечно, нельзя согласиться.

Более приемлемой представляется позиция Б. А. Рыбакова. Еще в 1949 г. он осторожно указал на возможность использования в летописях дипломатических документов, хранившихся в архивах: «Целый ряд княжеских речений послам, союзникам и врагам носит характер не устной речи, записанной летописцем, а пересказа подлинных грамот. В ряде случаев близость текста летописи к формулам грамот очень велика» [15]. После открытия берестяных грамот, показавшего высокий уровень письменных сношений в Древней Руси, это предположение было разработано и в других трудах Б. А. Рыбакова [16, с. 316—336; 17, с. 146]. Приведя убедительные аргументы подлинности текстов, включенных в летопись в качестве княжеских посланий, ученый подчеркивает, что в системе доказательств их письменного происхождения решающее значение должны иметь наблюдения над языком [16, с. 318]. В последнее время попытку выделить письменные документы из состава древнерусских летописей предпринял историк А. В. Юрасовский [18], но данные языка исследователем не учитываются.

Анализ языка и стиля летописных текстов дипломатического характера целесообразно начать с крестных грамот, само название которых убедительно свидетельствует об их письменном происхождении. Впервые термин «крестная грамота» упоминается под 1144 г. Как можно заключить

¹ Монография Ф. П. Сергеева [1], как и две другие книги того же автора [2, 3], посвящена дипломатической терминологии. В ней исследуется лексика XI—XVII вв., относящаяся к сфере международных обязательств, дипломатического этикета, посольского права, дипломатических привилегий и иммунитета; анализируются наименования дипломатических документов. В книгах Ф. П. Сергеева дан обзор немногочисленной лингвистической литературы по данному вопросу (в частности, упомянуты кандидатские диссертации Г. А. Селиванова [4] и Л. Я. Костючук [5], где ранее освещались некоторые вопросы дипломатической терминологии древнерусского периода).

из контекста, в данном отрывке речь идет о расторжении ранее принятых обязательств: В то же лѣто. роскатороста сѧ. Всеволодь с Володимѣркомъ. про сна шже сѣде снѣ его Володимири. и почаста на сѧ искати вины. и Володимерко възверже емоу *грамоту хр(с)тъноюу*. Всеволодь же с бра(т)ею иде на нь. (II, 314—315)². Из дальнейшего описания событий второй половины XII в. о крестных грамотах как виде дипломатических документов можно получить следующие сведения. В случае невыполнения обязательств одним из договаривающихся правителей к нему отправляется специальный представитель (посол, муж) «сѣ хр(с)тъными грамотами» (II, 346)», «сѣ хр(с)тъными грамотами» (II, 461); «со хр(с)тъными грамотами» (II, 693). Изложив претензии, как правило, от имени одного князя к другому, посол кончает их словами: а се твоѣ грамоты хр(с)тъныя (II, 461); а се ти хр(с)тъныя грамоты (II, 670); а се ти хр(с)тъныя грамоты (II, 693). После этого посол «поверже имъ грамоты. хр(с)тъныя» (II, 347) или «положа ему грамоты. хр(с)тъныя. лѣзе вонъ» (II, 462). Если субъектом действия в таком описании является князь, то создается даже впечатление, что грамоты возвращает не посол, а он сам. Например, в 1195 г. Рюрик Ростиславич «к Романови посла ко зѧтю своему моужи своѧ обличи и и *повѣрже* емоу. *хр(с)тъныя грамоты*» (II, 686). И далее: Романъ же оублюдѣ сѧ тѣста своего. ажъ емоу *извѣргль хр(с)тъныя грамы* (Хлебн., Погод. грамоты) (II, 686).

Сочетание *крестная* (= *хрестная*) *грамота* И. И. Срезневский толкует как «всякая грамота, при утверждении которой целовался крест» [20, I, с. 581]. Уточняя это толкование, В. Панов в комментариях к переводу Киевской летописи пишет: «Крестная грамота — грамота, содержащая условия мирного договора, на которой князья целовали крест, давая тем самым гарантию соблюдения договора» [21]. Подлинные договорные документы сохранились только с конца XII в. — это договоры Новгород с Западом, со второй половины XIII в. известные договоры Новгорода с князьями. Оригиналы междукняжеских договорных грамот относятся к середине XIV в. Специально занимавшийся этим вопросом историк М. Б. Свердлов пришел к выводу, что упоминаемые в летописи XII в. как крестные «это договорные грамоты» [22, с. 64]. По наблюдениям Ф. П. Сергеева, письменные клятвенные акты о соблюдении взятых главою государства (княжества) обязательств, вытекающих из заключенных международных договоров, в разное время носили разные названия: крестная грамота (XII—XIV вв.), целовальная (крестоцеловальная) грамота (конец XIV—XV в.), шерстная грамота (конец XV—XVII вв.), присяжный лист (XV в.). «Эти разновидности клятвенных грамот, — считает Ф. П. Сергеев, — можно квалифицировать как своего рода ратификационные грамоты» [1, с. 47—48].

Установление близости крестных грамот, упомянутых в летописании XII в., и подлинных договорных документов более позднего времени важно в связи с тем, что в летописи при упоминании этих грамот иногда перечисляются и условия договора. И мы, очевидно, вправе видеть в таких местах цитирование оригинальных текстов, недоступных в настоящее время исследователям. К сожалению, сами случаи упоминания крестных грамот в XII в. малочисленны, и есть основания считать, что в указанный период данный термин употреблял только один летописец³. К тому же цитируемые фразы отрывочны и дают представление скорее о содержании, чем о структуре документа. Например: 1) вы есте хр(с)тъ цѣловали до живота своего. а волости Стослави и Игоревѣ даль ва (Хлебн., Погод. вам) есмь. назъ же с вама и Стослава прогналъ. а волость ва (Хлебн., Погод. вам) есмь изискалъ. и даль Новгородъ и Поутивль. а жизнь есмы его взали. а имѣнь его раздѣлилѣ. на части. а Игоревѧ взалѣ. се же (брат) (Хлебн., Погод. братья) хр(с)тъ еста перестоушила (II, 346—347);

² Примеры из Ипатьевской летописи цитируем по изданию [19]. Нумерация тома и столбцов в тексте дана в круглых скобках.

³ О Киевской летописи и ее авторах см. книгу Б. А. Рыбакова [17] и нашу статью [23].

2) ты брате к намъ кр(с)тъ целоваль. на Романовѣ радуу. тако же нашъ братъ Романъ. сѣдѣлъ в Кыевѣ. дажь стоиши в томъ радуу то ты намъ братъ. паки ли помина(е)шь давныи тажа. которыи былѣ при Ростиславѣ. то стоушилъ еси радуу мы са в то не дамы. (II, 670).

Все же эти примеры дают возможность заключить, что крестная грамота в XII в., как и в более позднее время, состояла из двух частей: а) крестоцеловальной формулы и б) условий договора [см. также 22, с. 64].

Строение крестоцеловальной формулы стандартно. В ее состав обязательно входит существительное *крестъ* в форме вин. падежа ед. числа и различные формы глагола *цѣловати* в конкретном значении «касаться губами какого-либо предмета». Словосочетание *цѣловати крестъ* с течением времени стало устойчивым и приобрело переносный смысл «присягать». Новая семантика, как считают Л. Я. Костючук и Ф. П. Сергеев, повлекла появление новых синтаксических связей, не свойственных отдельным его компонентам вне данного сочетания: *цѣловати крестъ к кому* (на чем) [5, с. 16; 1, с. 12]. Однако ни Л. Я. Костючук, ни Ф. П. Сергеев не определяют времени появления новой семантики и новых синтаксических связей, хотя и то, и другое наблюдается уже в первых случаях употребления данной конструкции. Ср., например: Посемъ же, мѣсяца июля въ 10 днь, Изяславъ, Святославъ, Всеволод цѣловаша крестъ честныи ко Всеславу (НІЛ, с. 186) ⁴; и на то(м) цѣловаша кр(с). (I, 257) ⁵.

Труднее судить о второй части крестной грамоты, так как ее иллюстрируют лишь отдельные предложения. Более или менее выразителен следующий пример: кр(с)тъ еси к нама с королемъ цѣловаль. на то(м) тако *что Руской волости. то ти все воротити* и того еси всего не оуправиль. ны(н) же азъ того не поминаю всего. но же хоцещи хр(с)тъному цѣлованию оуправити. и с нама быти. то оузвоти моѣя городы. на ни(х) же еси к нама с королемъ кр(с)тъ цѣловаль. не хоцещи ли дати то съступиль еси кр(с)тъного цѣлованиа. а се твоѣ грамоты кр(с)тъныи. а нама с королемъ с тобою како бѣ дать. (II, 461—462).

Можно считать большой удачей, что варианты к этому тексту приводятся в летописи раньше: 1) на томъ ти цѣловати хр(с)тъ. яко *что. руски(х) городовъ. то ти все възворотити и съ Изаславомъ быти. и его са не ѡ(т)лучити не брѣ* (Хлебн., Погод. ни в добрѣ) *ни въ листвѣ по всегда с ни(м) быти* (II, 452); 2) се прислалъ еси к нама. а се нама даль та былъ бѣ и волость твою по твоеи винѣ. ны(н) же ти вѣ гнѣва ѡ(т)даеѣ. и волости подъ тобою не ѡ(т)имаеѣ но на то(м) цѣловати хр(с)тъ *што Руской земли волости. то ти възворотити все. и Изаслава ти(с) не ѡ(т)лучити. но на вси(х) мѣстѣ(х). с ни(м) быти.* (II, 452—453); 3) прислалъ еси к нама и своєю вины каеши(с) тобѣ ти того всего ѡ(т)даеѣ. и волости подъ тобою не взимаеѣ. но на томъ цѣлуи хр(с)тъ ч(с)тъныи. *что за тобою городовъ рускихъ, то ти все възворотити и Изаслава ти са не ѡ(т)лучати до живота свое(г). доколѣ же еси живѣ. но с ни(м) бити на вси(х) мѣстѣхъ.* (II, 453—454).

Видимо, на основе этих текстов и был составлен не дошедший до нашего времени документ, на котором («на всемъ на томъ») Владимиръ Галицкий «цѣлова хр(с)тъ» (II, 454). Кроме перечисленных пунктов, в нем, должно быть, были указаны также города, которые обязывался вернуть галицкий князь, так как ниже сообщается, что Изяслав Мстиславич послал своих посадников в города «на ни(х) же бдше хр(с)тъ цѣловаль. Володимиръ въ Бужескъ. въ Шюмескъ въ Тихомль. оу Выгошевь. оу Гноиницю» (II, 454).

Существование трех сходных вариантов позволяет предположить, что в середине XII в. условия договора структурно оформлялись в виде ряда инфинитивных предложений, следующих одно за другим. Такое предположение подтверждается изучением строения позднейших договорных гра-

⁴ Примеры из Новгородской первой летописи цитируем по изданию [24]. Сокращенное название и нумерация страниц в тексте даны в круглых скобках.

⁵ Примеры из Лаврентьевской летописи цитируем по изданию [25]. Нумерация, тома и столбцов в тексте дана в круглых скобках.

мот. Ср., например, договорную грамоту Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем 1264 или 1265 г.: на семь кнже цѣлоу х(с)ѣ. къ вѣстоу новгородоу. на цѣмъ то цѣловали дѣди. и ѡци. и ѡцѣ твои Ярославъ. новъгородъ ти дѣржати. въ старинѣ. по поплинѣ. что волости вѣхъ новгородскихъ. того ти кнже не держати. своими моужн. нѣ дѣржати. моужн новгородскими. а даръ имати тебе ѡ(г) тех волости. а бес посадника тебе волости не раздавати. [26]. Это означает, что ко времени первой фиксации термина «крестная грамота» тип документа, им обозначаемый, уже имел четкую структурную организацию и языковую форму воплощения, которая не претерпела существенных изменений и в последующие века. Следует также учесть, что если по данным дошедших до нас летописей сам термин употреблял, по-видимому, только один летописец ⁶, то факт присяги на кресте с последующим цитированием условий договора описывается различными летописцами. И — что существенно — по той же модели. Например: и чѣлова к нему кр(с)ѣ Гюрди ѡко искати емоу Игоря (II, 332); и на томъ цѣлова хр(с)ѣ. Володимиричь. къ Стославу ѡко имѣти ему его. въ ѡ(т)ѣца мѣсто. и въ всеи воли его. ему ходити. (II, 509); и цѣловаша новгородци хр(с)ѣ к Ростиславу на то(м). ѡко же имъ имѣти сна его собѣ кнземъ а иного кнза не искати. ѡли са с ни(м) смртью розлучити. (II, 529).

Чтобы включить текст документа в летопись, автор прибегает к его переработке: инфинитивные предложения (условия договора) он присоединяет к крестоцеловательной формуле при помощи союза *ѡко* и вводит в их состав косвенный субъект в форме дательного падежа. Таким образом, вся конструкция приобретает характер сложноподчиненного предложения с придаточными цели. К. А. Тимофеев отмечает в таких придаточных предложениях оттенок долженствования в форме обязательства [27]. В отдельных случаях сохраняется более архаичная форма документа: Въ се же лѣто ходи Вѣволодъ въ Русь Переяславлю, повелениемъ Яропѣльцемъ, а целовавъ крестъ къ новгородцемъ, *ѡко хоцю у васъ умерети* (НЛ, 22); и цѣлова к ни(м) хр(с)ѣ [Юрий Долгорукий] *ѡко иду оуже Суждалю* (II, 445); на то(м) бо цѣловали баше хр(с)ѣ к нему [полочане]. *ѡко ты на(м) кнзь еси.* и даи ны бѣ с тобою пожити. извѣта никакого же до тебе доложити. и до хр(с)тного цѣлованиа (II, 494); цѣловали бо блху к нему хр(с)ѣ прежде [Мстислав, Володимир и Ярослав] *ѡко тобѣ его ищемъ.* (II, 503).

И в том, и в другом случае ничто не мешает, по нашему мнению, видеть в данных текстах отрывки из подлинных документов с учетом изменений, внесенных летописцем, и, таким образом, есть основания полагать, что во второй половине XII в. в летописной работе был широко использован по крайней мере один вид дипломатических документов — крестные грамоты.

Убеждение в длительности существования на Руси устной формы дипломатических переговоров сложилось до открытия берестяных грамот. В ту пору никто не мог предвидеть, какую огромную роль играло письмо даже в обыденной жизни наших предков. Тем не менее и в давно известных источниках имеются любопытные сведения, позволяющие взглянуть на этот вопрос с другой стороны. Таким источником является в данном случае письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу, которое до сих пор привлекало внимание лишь как памятник художественной литературы домонгольской поры. Между тем это письмо можно отнести к дипломатическим документам. Ведь главная цель письма — установление мира между двумя княжествами. Созданное в чрезвычайных обстоятельствах, послание Мономаха, естественно, не укладывается в рамки одного жанра. Сам автор называет его грамотой: да се ти *написа(х)* зане принуди ма сна твой ... послуша(х) сна своего. *написа(х)* ти *грамоту* (I, 252—253).

Особый интерес для нашей цели представляют те строки письма Моно-

⁶ Сомнение вызывает лишь самый первый случай — под 1144 г. Здесь единственный раз употребляется сочетание *крестная грамота* в ед. числе.

маха, в которых он говорит об ожидаемом им ответе Олега. Они убедительно свидетельствуют, что князь рассчитывал получить послание отнюдь не в устной, а только в письменной форме. И даже в первый раз Мономах называет будущий ответ *писанье*: «аще ю [грамоту Мономаха] приимеши с добромъ. ли с поруганьемъ. свое же оузрю на твое(м) *писаньи* (I, 253). Далее синонимом древнерусского слова *писанье* снова выступает гречизм *грамота*, причем указан ее вид — *грамота оутѣшеная*: а к бу баше покажтиса. а ко мнѣ баше *гр(а)моту оутѣшеную*. а сноху мою послати ко мнѣ (I, 253). Нужно отметить, что разнообразные названия письменных документов по цели их создания (вкладная, вольная, данная, дерновая, известительная, обидная и т. д.) известны в основном по памятникам с XIII в. Письмо Мономаха показывает, что модель «прилагательное + слово грамота» была известна значительно раньше. Наконец, из письма Мономаха выясняется и способ доставки послания. Его может привезти либо специальное лицо (посол), либо особа высокого духовного звания (епископ): да же начнеши каатиса бу. и мнѣ добро ср (д)це створиши. пославъ *солъ* свои или *п(с)на* и *грамоту напиши. с правдою*. то и волость възмешь с добромъ» (I, 254). «Грамота с правдою», очевидно, еще один вид дипломатического документа. Скорее всего слово *правда* употреблено здесь в значении «присяга» [20, II, с. 1357] и является синонимом сочетания *крестное целование*. Таким образом, можно предположить, что в XI в. «грамота с правдою» равна позднейшей «крестной грамоте».

Наличие в одном письме Мономаха нескольких, не отмеченных исследователями названий письменных документов свидетельствует о том, что дипломатическая терминология раннего периода изучена недостаточно. И в самом деле, древние летописи пестрят такими словами, как *воля*, *жалоба*, *любовь*, *мольба*, *правда*, *твердь* и т. д. Можно предположить, что некоторые из этих слов в XI—XII вв. употреблялись и как названия дипломатических документов.

Так, по данным Ф. П. Сергеева, письменные акты, подтверждающие мирные отношения, дружбу и *приязнь* между правителями отдельных государств, с конца XV в. носили названия «дружбная грамота», «грамота о любви (о дружбе)», «любительная грамота», «приятельная грамота» [3, с. 85]. Возможно, однако, что ранее в таком значении употреблялось существительное *любовь*, одним из значений которого, по Срезневскому, было «мир, согласие, мирный договор» [20, II, с. 89]. О таком понимании существительного *любовь* как будто свидетельствует следующий пример: и прислашася полотъчане къ Стославу Ёлговичю. с *любовью* яко имѣти ѿ(т)ѣмъ собѣ. и ходити в послушаньи его. и на то(м) целоваша хр(с)тъ (II, 445—446). Ср. еще: и се постигоша [Олега] посла Изаславли с *любовью*. с *любною рѣчью* Ёлгь же яви мужемъ своимъ. Изаславлю рѣчь. башета оуже. бо и Всеволодича *любовью сложиласа*. съ Изаславомъ... и вступи Ёлгь *оу любовь*. къ Изаславу. безъ ѿтна свѣта. бы(с) же вѣсть Стославу. ѿже Всеволодича. и Ёлгь *снѣ* его сложилиса *любовью*. съ Изаславомъ (II, 513).

Синонимом существительного *любовь* в этом примере является словосочетание *любная рѣчь*. Значение и того, и другого термина, судя по контексту: «предложения о дружбе». Ср. выше: «грамота о любви (о дружбе)» равняется «любительной грамоте». Правда, в отличие от сочетаний со словом *грамота*, письменный характер которых не требует доказательств, сложный термин «любная рѣчь» скорее может свидетельствовать о форме передачи мирных предложений устным путем. Однако такое решение вопроса не является единственным.

Как показывает изучение древнерусских летописей, в XI—XII вв. существительное *рѣчь* нередко применялось как дипломатический термин в смысле «послание». Например: в то же время посла. Игорь. къ Изаславоу ре(ч). се брата нашего бѣ поналъ. а стоишь ли въ хр(с)тъномъ целованьи. ѿнѣ же ни ѿтвѣта емоу не дасть. противоу твои *рѣчи*. ни посла к нему поустн (II, 322); Изаславлъ же посоль приѣха оу Киевъ. повѣда ему. Стославлю *рѣчь* и что ему Володимиръ сказалъ (II, 376); слышавъ же

Глѣбъ рѣчь половѣчькихъ князѣи. и въсхотѣ к нимъ на снемъ (II, 555); Рюрикъ же рче емоу ажъ хочешъ со мною во правдоу любви. а дай имъ доуть слати ко Всеволодоу и ко Дѣвди а како са нагадаше вси тако же с тобою оуладимса. Рюрикъ бо того дѣла хоташе(т) послати посоль свои во правдоу хота свести в любовь. но Ярославъ Рюриковѣ рѣчи не имашеть вѣры. твора яко же свѣчатиса хотати на нѣ. (II, 695—696).

Особенно выразительно терминологическое значение существительного рѣчь, когда оно употребляется в форме множественного числа. Можно привести ряд примеров, где слово рѣчи входит в состав таких дипломатических выражений, как *слати (послати) с рѣчьми, снашиватися (сослатися) рѣчьми*, и т. п.: и ста Стополкъ в градѣ. а лахове на Бугу. и *сосла са рѣчьми* Стополкъ с лахы (I, 269); вѣ же паки тобѣ брате молвивѣ. што слевѣ. к тобѣ сна своего. Мъстислава с рѣчьми. (II, 420); и *посла* Вячьславъ. и Издславъ Мъстиславичъ. послы свои къ Всеволодоу. *с рѣчьми радитса* (II, 306); бы(с) же лествъ въ берендичихъ. творахуть бо са битъ приѣзда — че к городу. а *снашивахуться рѣчьми* межѣ собою. сему же началници быша Тудоръ Сатмазовичъ. Каракозь Мнюзовичъ. и Карась. Кокѣи (II, 501); и болши вражда. бы(с) на Мъстислава ѡ(т) братьѣ. и начаша са *снашивати рѣчьми* братьѣ вси на Мъстислава. и тако оутвердившеса кр(с)тмѣ братьѣ (II, 543).

Несколько раз в летописях встречается оборот *являти рѣчи*: и начаша. приязтели. Мъстислави повѣдати. Василкови и Володиславу ѡже Володимиръ Мъстиславичъ. и Андрѣевичъ. и Ярославъ Мъстиславль братъ. и Рюрикъ и Дѣвдѣ цѣловали кр(с)тъ яко же взати имъ волость оу Мъстислава. по своей воли. Володимиру къ своей волости Торцьскыи. съ всимъ Поросьемъ Андрѣевичю. Берестии. Ярославу Володимиръ. Василко. же възма. мысль ихъ. посла ко Мъстиславу. Володимиру. *явлла* ему вси рѣчи ихъ Мъстиславъ же посла къ свой(м) ротникомъ. къ Ярославу оу Галичъ. и къ лахомъ и къ Всеволодковичама *явлла* имъ твердь братьѣ. (II, 533). На наш взгляд, значение приведенных выше примеров достаточно прозрачно. Целуя крест, князь скрепил письменное соглашение (крестоцеловальную грамоту) о разделе волостей. Сняв с нее копию (възма, мысль ихъ), Василько отослал ее Мстиславу. В свою очередь из этой копии Мстислав приказал сделать три для своих союзников, чтобы они могли убедиться в подлинности договора (тверди) братьѣ.

Понимание оборота *являти речи* как «показать письменный текст» вытекает также из следующего отрывка послания Рюрика Ростиславича Роману Мстиславичу: *язъ переже всихъ даль есмь тобѣ волость сю. но же Всеволодъ насал на ма жалоуаса про тебе. ажъ еси на немъ. ч(с)ти не положили преже на же еси тобѣ явлалъ вси рѣчи его.* (II, 685). Не противоречат такому пониманию и «Материалы» И. И. Срезневского, в которых одно из значений глагола *явити* истолковано как «предъявить». Приведены следующие примеры: *А сю грамоту писалъ есмь собѣ душевную и явилъ есмь* отцю своему Олексию митрополиту. Дух. гр. Дм. Ив., д. 1378 г.; *А кто будетъ мой волостель, или доводища, или таможищи, инѣ имъ грамоту явятъ.* Жал. гр. Тол. мон. ок. 1400 г. [20, III, с. 1633].

Важным доказательством в пользу возможности понимать слово *речи* не только как устное, но и как письменное сообщение считаем рассказ Киевской летописи об отъезде из Киева венгров, посланных к Изяславу Мстиславичу его союзником и родственником королем Гейзой II. Провожая венгерских рыцарей, Изяслав и Вячеслав просят передать сердечную благодарность королю и сообщить, что за ними прибудет их сын и племянник Мстислав «с рѣчьми». (II, 420). Далее приводится текст «речей», очень длинный, наполненный словами благодарности и надежды на новую помощь. О событиях, участниками которых стали посланные королем войска, в тексте послания не говорится совсем, но заканчивается оно так: *а все ти скажють твой мужи. и братъ твой Мъстиславъ како ни бѣ помогль. и паки како са по на(с) гла Руская земля вса и чернии клубуци.* (II, 421). Очевидно, нужно понимать, то после вручения п и с ь-

менного послания о деталях похода должны были рассказать королю его рыцари и Мстислав устно.

Следует отметить, что существительное *рѣчи* употребляется далеко не всегда, когда говорится о дипломатических сношениях князей. Нередко встречается в таких случаях только глагол, который указывает на сам факт переговоров, но как они осуществляются, остается неизвестным. Например: и не въсхотѣша ко Всеволоду того створити. но съсылахоутьса сами межи собою хотаче на нь поити Киевою (II, 304); и тако сд начаша ладити. Вачеславъ же и Гюрги. Издславъ *слюче межи собою*. (II, 388); А Издславъ же *нача слати*. к Вачеславу. Вышегороду. А Вачеславъ къ Издславу начаста ладитиса. (II, 398); И приде Издславъ ис Киева с полки своими. и Мъстиславъ Изяслави(ч) с нимъ и Стославъ Володимиричь. и стаща противу собѣ ѡб рѣку. и *начаша слати* межи собою и тако оумиришеса. и хр(с)тъ целоваша. межи собою (II, 490). Гораздо чаще, однако, летописец отмечает, что один из князей отправил к другому своего посла, а текст послания вводится формами глаголов *рѣчи* и *глаголати*. Например: *посла* шпаты [Изяслав Мстиславич] *посолъ* свои къ Стославу *река* ему ... (II, 376). Если опускается и упоминание о после, то оборот приобретает вид: *посла* ... *река* (*глаголя*), *посла* и *рече* и т. п. Например: и *посла* Стополкъ и Володимеръ къ Ёлгови *глице* сице. се ты не шель ѡси с нама на поганы. иже погубили суть землю Русьскую. (I, 228); князь же Всеволодъ блгосердъ сы. не хота крове прольяти. *посла* къ Мстиславу *гма*. брате... (I, 380); и *посласа* Издславъ к Ростиславоу братоу своему и *ре(ч)* емоу (II, 362); Володимеръ же Двдвичъ *посла* къ Издславоу *река* емоу се Гюрги стрѣи твои идеть на та. (II, 374).

При отсутствии же глагола *слати* создается впечатление, что князья просто разговаривают друг с другом: Издславъ же съ гнростью ѡ(т)вѣща ему [т. е. Святославу Ольговичу через посла. — Ф. В.] вѣдомо ти буди брате всако не ворочюса. оуже есмь пошелъ (II, 499). Аналогично в «Слове о полку Игореве»: Игорь ждеть мила брата Всеволода. И *рече* ему Буи Туръ Всеволодъ: «Один братъ, один свѣтъ свѣтлыи — ты, Игорю! оба есѣвъ Святславличи: сѣдлаи, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, оспдлани у Курьска на переди... [28].

Казалось бы, основания говорить об устной природе исследуемых текстов есть. Обратимся, однако, к другим древнерусским произведениям и посмотрим, каким образом вводились в них цитаты из источников и целые документы. Рассматривая лексико-семантическую группу глаголов *dicendi*, Н. Г. Михайловская пишет: «Основная функция большинства данных глаголов заключалась в том, что через их посредство вводилась в текст прямая речь и церковно-книжные отсылки-цитаты. Тесную смысловую близость обнаруживают самые частотные члены группы *речи* и *глаголати* в значении „говорить“, „сказать“. Такое использование *речи* отражено во всех памятниках, независимо от их жанрово-стилистических особенностей» [29].

Особенный интерес для наших целей представляет способ включения в летописи древнейших документов. Считается доказанным, например, что договоры Руси с греками попали в состав «Повести временных лет» лишь в начале XII в. Следует ожидать поэтому, что они введены в окружающий текст при помощи обычной для этого времени формулы *посла*... *река* (*глаголя*), что и оправдывается: В лѣто. ≠ с.у.к. Посла (Элегъ мужи свои построи мира. и положити рады межи Грѣкы и Русью. и *посла* гма равно⁷ другаго свѣщаниа. бывшаго пр(и) тѣхъ же ц(с)рихъ. Лва. и Александра. мы ѡ(т) рода Рускаго. Карлы Инегельдъ. Фарлофъ. Веремудъ... иже п(о)слани ѡ(т) (Элга великаго к(ъ)нза Рускаго... (II, 23). Важно отметить автоматизм выработанных летописцем приемов. Он даже не обратил внимания на то, что приписывает Олегу бессмысленную фразу, которой начинался документ: *копия дружеского совещания, происходивше-го при* ...

⁷ Здесь *равно* в значении «список, копия» [20, III, с. 10].

Представляет интерес и то, что в свое письмо Владимир Мономах еще в конце XI в. ввел цитату из послания сына Мстислава при помощи той же формулы, которой пользовались летописцы: *прислалъ* [Мстислав] ко мнѣ мужьство⁸ и *грамоту*. *река* ладимьса и смѣри(м)са. а братцо моему судѣ пришесть. а вѣ ему не буде вѣ местника. но възложивѣ на ба. а стануть си пре(д) бѣмъ. а Русьскы земли не погуби (I, 252). Из письма Мономаха, таким образом, определенно вырисовывается письменная форма переговоров, которые происходили во время усобицы Олега Святославича.

В изложении же летописца форма переговоров этого же времени представлена нечетко. Здесь и можно видеть особенность летописного стиля. Проявляется это в том, что слово *грамота* и глагол *писати* не упоминаются, в результате чего весь контекст приобретает характерную форму устного сообщения, например, об обращении Олега Святославича к сыну Мономаха Изяславу говорится так: *посла* Олѣгъ *слы* своѣ къ Изяславу *глаголю*. (I, 236). Приведенный же далее от первого лица текст несомненно является княжеским посланием: иди в волость ѡца своего Ростову. а то е(с) волость ѡца моего. да хочю ту сѣда порадѣ створити со ѡцѣмъ твои(м). се бо ма выгналь из города ѡца моего. а ты ли ми здѣ хлѣба моего же не хочещи дати (I, 236—237). В сходной манере сообщается в «Повести временных лет» о том, что Мстислав Владимирович трижды обращался к Олегу, приводятся отрывки его посланий. В первый раз отрывок включается при помощи формулы *посла ... соль ... гла* (I, 237). Два других — формулой в сокращенном виде: *посылаше... гла* (I, 238); *посла... гла* (I, 240).

Сходство с манерой цитирования Мономахом письменных текстов можно обнаружить у одного из авторов Киевской летописи — Поликарпа. Например, под 1165 годом содержится следующая запись: и *списавъ* [епископ] *грамоту*. и посла къ Всеволодичю *река тако*. стрый ти оумерль а по Олга ти. послали. а дружина ти по городомъ далече а княгини сѣдти. въ изумѣньи с дѣтьми а товара множество оу нею. а поѣди вборзѣ. Олѣгъ ти ꙗще не вѣхаль. а по своей воли възмеша радѣ с нимъ. Стославъ же *прочте грамоту* вборзѣ. и посла сѣмъ свои... (Пв 523). Указано не только то, что *грамоту* писал сам епископ, но и подчеркивается, что князь прочитал ее лично. Однако содержание грамоты раскрывается все же традиционно при помощи формулы *река тако*. Эту же манеру встречаем в летописях XIII в.: И *присла* митрополит *грамоту* в Новгород, *рекъ тако*: «мнѣ поручилъ богъ архиепископыю в Руской земли, вамъ слышати бога и мене; крови не проливайте, а Ярославъ всеи злобѣ лишается, а язъ за то поручаюся; аще будет крестъ цѣловали, и язъ за то прииму опитимью и за то отвѣтъ дамъ пред богомъ» (НПЛ, 321).

Аналогичную конструкцию можно видеть, как нам кажется, в тех случаях, когда в качестве синонима слова *грамота* выступает существительное *жалоба*⁹: Изяславъ же *посла* моужи своѣ къ Вачеславоу. и къ Гюргеви с *жалобю*. *река тако* се брате. на томъ есмы хр(с)тъ целовали. комоу свое познавачю имати. нынѣ же брате. ѡже хочещи хр(с)тоу оуправити. то дай ны бѣ пожити. не хочещи ли оуправити а то оузримъ (II, 394); Стославъ же *поча слати* къ Ярославу. сь *жалобю*. *река* ему на чемъ еси. цѣловаль кр(с)тъ. а помани первы радѣ. рекль бо еси ѡже ꙗ саду въ Киеву то ꙗ тебе надѣлю паки ли ты садещи въ Киевѣ то ты ме надѣли. нынѣ же ты сѣль еси. право ли криво ли надѣли же мене (II, 578).

Следует также учесть, что во второй половине XII в. русичи не только писали и читали грамоты, но и умели их подделывать. Так, под 1172 г. Поликарп рассказывает, как, желая обмануть Мстислава Изяславича, галичане съписавше *грамоту ложьную*. и послаша къ нему (II, 549).

Приведенные факты не дают окончательного ответа на поставленные вопросы, однако позволяют внимательно отнестись к словам Б. А. Рыбакова, который завершает исследование о возможности использования

⁸ Описка вместо: мужь свои.

⁹ Как название документа термин *жалоба* известен с XV в. [30].

летописцами княжеского архива следующими словами: «При последующем изучении языка русской летописи XII в. лингвисты должны учитывать ту пеструю мозаику, которую образуют вкрапленные в нее десятки грамот из разных концов Руси» (16, с. 318).

Рассмотрим некоторые особенности словарного состава посланий, включенных в Киевскую летопись, под определенным углом зрения, так как для целей нашей работы важнее всего установить, совпадают ли они с особенностями языка летописца, включившего их в свой текст. Облегчает задачу исследования то, что язык, преимущественно лексика и фразеология, авторов этой летописи исследован нами в ряде статей [31—33].

На лексическом уровне особый интерес представляет существительное *область*¹⁰, употребленное в послании Всеволода Юрьевича Суздальского Рюрику Ростиславичу под 1195: Того же лѣта присла Всеволодь. князь Соуждальскы. послы свои ко сватуо своемуу Рюрикови река емоу тако. Вы есте нарекли ма во своемъ племени. во Володимирѣ старѣшаго. а нынѣ сѣдѣлъ (Хлебн., Погод. сѣл) еси в Киевѣ. а мнѣ еси части не оучинилъ в Роуской землѣ. но раздалѣ еси инѣмъ. моложьшимъ братъи своеи. даже мнѣ в неи части нѣтъ. да то ты а то Киевъ и *Роуската область* а комоу еси в неи часть далъ. с тем же еи и блюди и стережи. да како ю с нимъ оудержишь. а то оузрю же. а мнѣ не надобѣ. (II, 683). В Киевской летописи термин *область* встречается только два раза. Второй пример, без сомнения, принадлежит редактору всего труда игумену Моисею и является вставкой в текст Петра Бориславича: Тое же зимы по Федоровѣ недѣлѣ. во вторникѣ въ ѿ. ча(с). потрасеса земла по всеи *ѡбласти Киевской* и по Киевоу црѣкви каменныа и деревянныа. колѣбахоуса. (II, 690). Это наблюдение согласуется и с данными П. Я. Черных, который замечает, что в древнерусский период слово *область* употреблялось преимущественно со значением «церковно-административная зона, епископство» [35].

Во всех других случаях в Киевской летописи постоянно встречается термин *волость*. Показательно, что летописец, процитировавший послание Всеволода, продолжая эту тему, употребляет далее привычное для него слово *волость*: се же слышавъ Рюрикъ ѡ(т) пословъ ѡ(т) Всеволожьихъ. ѡже жалоуютъ. на ны про волость. аже далъ башеть *волость* лѣшнюю зати своемуу Романови Мьстиславличю. Рюрикъ же поча доумати с моужи своими како бы емоу дати *волость*. Всеволодоу которые же волости оу не(г) просилъ. Всеволодь бо просаше оу него. Торцького Трепола Корьсоуна. Богоуславла. Канева (II, 683).

Слова и обороты, не свойственные киевским летописцам, встречаются и в посланиях других князей. Например, существительное *копие* в смысле «боевая единица» единственный раз употреблено в послании Ярослава Владимировича Галицкого. Словари древнерусского языка не выделяют такого значения этого слова, а между тем оно вырисовывается достаточно определенно: аче бѣ ѡ(т)да мое(г) поналъ а мене бѣ на его мѣстѣ ѡставилъ. а полкъ е(г) и дружина е(г) оу мене суть. развѣ ѡдино *копие*. поставлено оу гроба его. а и то в руку мою есть (II, 464). Глагол *дозрѣти* в значении «дождаться», хотя и известен, но в Киевской летописи отмечен только в посланиях Изяслава Мстиславича: ны же брате сего ли *дозрѣвъ* то поминаеши. ѡже стрыи мои на ма ратью идеть (II, 376); я есмь позываль тебе Киевоу. сѣдѣтъ а ты еси не восхотѣлъ. а ныне ци сего еси *дозрѣлъ*. ѡже бра(т) твой выѣхаль. а ты сѣ садиши в Киевѣ (II, 396—397).

Не употребляют летописцы XII в. и глагола *дѣсти* в значении «говорить», ставшего, по-видимому, к этому времени архаизмом. Однако в посланиях старшего поколения князей — сыновей Владимира Мономаха и Олега Святославича — это значение еще наблюдается: аже *дѣши* ты мои еси ѡцѣ а ты мои и снѣ (II, 418); аже *дѣши* хотать на ма поѣхати. а иже поѣдутъ на та с хвалою. а бѣ будетъ с тобою (II, 499). В послании Рюрика Ростиславича отмечен глагол *творити* в значении «сообщать»:

¹⁰ Ф. П. Филин относил это слово к церковнославянизмам [34].

Всеволодь свать мой вскъль на кона како ми са былъ ѡбѣчалъ помочи на ѡлговича. и стати оу Чернигова. а творать¹¹. ми како же са оуже совокоупилъ с братомъ моимъ Двѡмъ. и волость ихъ жъжета (II, 697).

Значение оборота *мы ся в то не дамы* выясняется только из контекста приведенного выше послания Рюрика Ростиславича Святославу Всеволодовичу под 1190 г.: паки ли помина(е)шь давныа тажа. которыи былъ при Ростиславѣ. то стоупилъ еси радуу *мы са в то не дамы* (II, 670). В «Материалах» И. И. Срезневского при глаголе *вѣдатися* со значением «отдаться; сдать» этого примера нет, но приведен сходный с ним из Новгородской первой летописи: А в то са не вдадимъ [20, I, с. 331]. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» у глагола *вдатися* выделены пять значений, а пример из Новгородской первой летописи толкуется как «согласиться, пойти на что-либо». Кроме того, добавлен пример из Никоновской летописи под 1342 г.: Царь же проси у митрополита полѣтнихъ даней: митрополить же *не вдадеса ему в таковая* [36].

Любопытна глагольная форма *са потъкло* в послании Рюрика Ростиславича: нынѣ же брате и моему снѡви и твоему. Мъстиславоу тако са потъкло. ажъ вазить оу Волговичъ (II, 695). И. И. Срезневский приводит ее от глагола *потъкнутися* в значении «приключиться», а оборот *так са потъкло* толкует как «до того дошло» [20, II, с. 1302]. Следует отметить, что этот оборот казался недостаточно современным уже переписчику Хлебниковского списка, который заменил его на *так са слouchило*: нынѣ же брате моему снѡви и твоему Мъстиславоу тако са слouchило, ажъ вази(т) оу Олговича (л. 295)¹².

В приведенном выше фрагменте послания Рюрика Ростиславича привлекает внимание и единственное в своем роде написание существительного *Олговичи* как *Воловичи*. Сходное написание имени *Ольга* как *Вольга* и *Волга* наблюдается в «Повести временных лет» (I, 55, 56). Ср. также имя *Вольгá* в былинах об Олеге Святославиче. Не менее редкой является и форма *Мистислава* (род. п. ед. ч. от имени *Мъстиславъ*), которая встречается всего один раз в послании Изяслава Мстиславича: а чо ми бѣ ѡ(т)цá моего *Мистислава* ѡ(т)цáль (II, 417). Возможно, здесь, отразились индивидуальные особенности произношения князя Изяслава Мстиславича или его писца. Сходное написание уменьшительной формы этого имени *Мъстиша* также встречается в «Повести временных лет» под 945 г.: воевода бѣ Свѣнелдъ. тоже ѡцѣ *Мистишинъ* (I, 55).

Только в посланиях отмечено существительное *ворожда*. Эта редкая полногласная форма встречается в Киевской летописи всего четыре раза, и все четыре случая ее употребления связаны между собой, так как речь идет об одном и том же событии: ны(н) же бра(т) хр(с)тыянъ дѣла и всею Роуской земли оумириса. но ѡба. ать *ворождоу*. про Игоря ѡ(т)ложать. (II, 365); ны(н) же цѣлоуите на томъ хр(с)ть ѡже вы про Игоря *ворожды не имѣти* (II, 366); тако на томъ цѣловаша хр(с)ть оу стѡмъ Спсѣ *ворождоу* про Игоря ѡ(т)ложити (II, 366); брате хр(с)ть еси ч(с)тныи цѣловаль ко мнѣ. ако со мною быти. а *ворожду* если про Игоря ѡ(т)ложилъ. и товары его (II, 376). Из других древнерусских памятников известна лишь форма *вражда*, что дало А. М. Селищеву повод причислить это слово по его происхождению к южнославянским [37]. Любопытно значение термина *вражда*, который отмечен в Русской правде в составе словосочетания *увидить вражду*. По мнению Б. А. Ларина, это словосочетание как юридический термин обозначает штраф за какое-то преступление, а существительное *вражда* в его составе имеет значение «повинность, наказание за преступление» [38].

Доказательством того, что в летопись включались тексты письменных документов, могут служить и послания иноземных правителей, на что

¹¹ В «Материалах» И. И. Срезневского, кроме этого, зафиксированы семь случаев употребления глагола *творити* в близком значении «указывать, говорить что про кого-либо» [20, III, с. 936]. Все — в Новгородской первой летописи.

¹² Хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, IV, 230.

обратил внимание Б. А. Рыбаков [16, с. 318]. Приведем текст одного из таких посланий, отличающийся оригинальным употреблением лексических и фразеологических средств, а также своеобразный по синтаксису: *вы намъ есте въ ѡ(т)да мѣсто, а се ннѣ заратилася есте свои(м) бра(т)мъ. и снмъ Изаславомъ. а мы есмы по бозѣ все кр(с)тыяне ѡдна бра(т)та обѣ. а намъ подобаеть всимъ быти съ себе. а мы межи вами того хочемъ. а бы бѣ даль. вы быста оуладилася. съ своимъ бра(т)мъ и снмъ Изаславомъ а быста вы сѣдѣла в Киевѣ. сама са вѣдаюча кому вама приходить. а Изаславу все его Володимиръ готовъ. а се его Лоуческъ а што его городъв ать сѣдѣти в томъ. ать ѡнамо к Новгороду Великому. ать взворотить Гюрги дани и(х). вси (II, 387—388).*

Можно было бы привести еще ряд примеров, характеризующих как индивидуальную манеру авторов посланий, включенных в летописи, так и свидетельствующих о традиционных, сложившихся на протяжении веков способах их оформления. Однако представляется, что и проанализированный выше материал позволяет сделать следующие выводы.

1) В составе древнерусских летописей, в частности в Киевской, сохранились тексты особого рода, не совпадающие с известными науке письменными источниками ни по содержанию, ни по форме.

2) По содержанию, отражающему дипломатические отношения между отдельными княжествами, они могут быть выделены в особый тип документов — княжеские послания.

3) Структура посланий, включенных в летописи, отличается от структуры письменных документов, известных до сих пор. Однако в структурной организации каждой отдельной части этих посланий можно выявить особенности, сближающие их как с грамотами, написанными на пергамене, так и с новгородскими берестяными грамотами (формулы зачина, заключительные формулы и т. д.).

4) Черты индивидуального стиля отправителей посланий наиболее четко выражены при изложении содержания вопроса, ради которого они составлялись. Таким образом, есть основания говорить о письменном характере данных текстов. Но более точно определить их природу позволит только тщательное изучение формы — приемов построения и свойственного им набора устойчивых словосочетаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сергеев Ф. П.* Формирование русского дипломатического языка. X—XVII вв. Львов, 1978.
2. *Сергеев Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кишинев, 1971.
3. *Сергеев Ф. П.* Русская терминология международного права XI—XVII вв. Кишинев, 1972.
4. *Селиванов Г. А.* Фразеология новгородских договорных грамот XIII—XIV веков: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Саратов, 1953.
5. *Костючук Л. Я.* Устойчивые словосочетания в древнерусском деловом языке. По грамотам XI—XIV вв. (Структурно-грамматическая характеристика): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1964.
6. *Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай XI—XIII вв.— Исторические записки, 1946, № 18.
7. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, с. 100—144.
8. *Еремин И. П.* Киевская летопись как памятник литературы.— ТОДРЛ, 1949, т. VII, с. 75.
9. *Дущечкина Е. В.* Художественная функция чужой речи в русском летописании.— Уч. зап. Тартуск. ун-та, 1973, вып. 306. Труды по русской и славянской филологии, т. 21, с. 68—69.
10. *Молотков А. И.* К истории синтаксических конструкций для передачи чужой речи в русском языке.— Уч. зап. ЛГУ им. А. А. Жданова, 1958, № 235. Сер. филол. наук, вып. 38. Исследования по грамматике русского языка, I, с. 40.
11. *Кожин А. Н.* Литературный язык Киевской Руси. М., 1981, с. 48.
12. *Селиванов Г. А.* Из наблюдений над прямой и косвенной речью в древнерусском языке.— Уч. зап. Абаканского гос. пед. ин-та, 1960, вып. V, с. 68—77.
13. История русской литературы. Т. I. М.— Л., 1940, с. 295—296.
14. *Пащупо В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 40—41 и др.
15. *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова. Приложение № 1.— Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, 1949, № 11, с. 95, примеч.

16. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
17. Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
18. Юрасовский А. В. Грамоты XI — середины XIV века в составе русских летописей.— История СССР, 1982, № 4.
19. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962.
20. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб., 1893—1912.
21. Древнерусские летописи. Перевод и комментарии В. Панова. М.— Л., 1936, с. 351.
22. Свердлов М. Б. Древнерусский акт X—XIV вв.— Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976.
23. Франчук В. Ю. Киевская летопись как памятник языка.— ВЯ, 1982, № 4.
24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950.
25. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1962.
26. Обиорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. М., 1952, с. 52—53.
27. Тимофеев К. А. Инфинитивные конструкции с союзом *яко* в древнерусском языке.— Уч. зап. ЛГУ им. А. А. Жданова, 1958, № 235. Сер. филол. наук, вып. 38. Исследования по грамматике русского языка, I, с. 4.
28. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Сост. Виноградова В. Л. Вып. I (А—Г). М.— Л., 1965, с. 16.
29. Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI—XIV вв. Нормативный аспект. М., 1980, с. 181.
30. Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1. Київ, 1977, с. 353.
31. Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве?» (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи).— ТОДРЛ, 1976, т. XXXI.
32. Франчук В. Ю. Книжна лексика в Київському літописі.— Мовознавство, 1980, № 6.
33. Франчук В. Ю. Образна мова Київського літопису.— Мовознавство, 1982, № 3.
34. Филли Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (По материалам летописей). Л., 1949, с. 80.
35. Черныш П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, с. 102.
36. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 2 (В — волога). М., 1975, с. 36.
37. Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968, с. 131.
38. Ларин Б. А. Лекции по истории русского-литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975, с. 89.